

Стилистические приемы передачи речевой агрессии в социальных сетях

Т.Е. ХРАБАН

Представлены результаты анализа основных стилистических приемов передачи агрессии в социальных сетях: антономазии, гиперболы, парадокса, антитезы. Исследование было проведено на материале текстовых фрагментов комментариев социальной сети Facebook и ВКонтакте с использованием методов лингвистического описания и интерпретационного анализа текстовых фрагментов.

Ключевые слова: речевая агрессия, стилистический прием, социальные сети.

The results of the analysis of the main stylistic methods dealing with the conveying of aggression in social networks such as antonomasia, hyperbole, paradox, antithesis are presented. Text fragments of comments collected from the social network Facebook and VKontakte were used as material for this analysis. The study was carried out owing to the use methods of linguistic description and interpretation analysis of text fragments.

Keywords: verbal aggression, stylistic method, social networks.

Интернет-коммуникация, как и любая коммуникация, требует соблюдения норм речевого взаимодействия. В реальном пространстве абсолютная свобода слова невозможна благодаря моральным, нравственным и культурным ограничениям, а агрессивное поведение мешает успешной социальной адаптации в обществе. Глобальное вовлечение все большего количества людей в сетевое взаимодействие, их участие в различных группах и обсуждениях создает благоприятную почву для повсеместного распространения речевой агрессии, которая проявляется в негативном отношении к адресату (референту) и установкой на деструктивное речевое поведение. Проблема речевой агрессии широко представлена в современных лингвистических исследованиях: проведен лингвистический анализ форм речевой агрессии в СМИ (Т. Воронцова, Е. Какорина, Г. Копнина, А. Сквородников, Ю. Щербинина, В. Bushman, С. Ferguson, L. Eron, L. Huesmann, M. Lefkowitz, L. Walker), исследованы формы, типы и дискурсивные тактики вербальной агрессии (Л. Гараева, Л. Закоян, А. Карякин, С. Berger, D. Infante, K. Molek-Kozakowska, A. Rancer), изучены особенности выражения речевой агрессии в художественном тексте (А. Ларионова, И. Лазебная, V. Gecas), выявлены особенности проявления речевой агрессии в интернет-коммуникации (Е. Двойнина, Т. Габдрафикова, Н. Шаповалова, О. Маслова, M. Appel, B. Vatinic, P. Holtz, B. Stiglbauer).

Актуальность статьи продиктована необходимостью исследования коммуникационной среды Интернета, что может способствовать поиску позитивных решений в предотвращении возникновения и развития речевой агрессии и эффективно противостоять нарастанию данной проблемы в интернет-коммуникации. Цель статьи заключается в определении основных стилистических приемов передачи агрессии в украиноязычных секторах социальных сетей.

Материалы и методы. Исследование было проведено на материале публикаций и комментариев украиноязычных секторов социальных сетей Facebook и ВКонтакте с использованием методов лингвистического описания и интерпретационного анализа текстовых фрагментов.

Результаты и их обсуждение. Речевая агрессия – явление, включающее помимо языковой манифестации поведенческую, социальную, психологическую, прагматическую, политическую составляющие. Под речевой агрессией в работе понимается речевой акт, в котором иллокутивной целью является манифестация враждебности, направленной на определенный объект (явление, лицо, группу лиц). Речевая агрессия имеет различные формы проявления: наклеивание ярлыков, обыгрывание имени объекта агрессии, нагнетание негативных ассоциаций, акцентирование неприятных или обидных для объекта деталей, прямое оскорбление, скрытый упрек, косвенное осуждение.

Для реализации речевой агрессии пользователи социальных сетей применяют следующие основные стилистические приемы:

1. Антономазия. При выполнении функции передачи агрессии антономазия направлена на намеренное оскорбление, моральное подавление коммуниканта путем выражения негативных эмоций и чувств по отношению к реципиенту путем искажения его социального образа среди остальных членов общества, то есть уменьшения его социальной привлекательности, или путем формирования негативного коммуникативно-ведущего образа личности (события), с которым адресат имеет общность взглядов на жизнь, интересов, приоритетов, социальных норм и установок. Наиболее часто речевая агрессия в антономазии выступает в виде оценочных суждений, устанавливающих абсолютную или относительную ценность какого-либо объекта (личности). Учитывая тот факт, что современное общество является обществом информационным, следует отметить, что наиболее ярко оценка представлена в социальных сетях, где наиболее ярко представлены характеристики политических деятелей, деятелей культуры и шоу-бизнеса. Оценочные высказывания могут включать в себя инвективное словоупотребление, которое содержит в своем выражении понятия непристойного и запредельного с точки зрения норм общепринятого поведения [1, с. 18]. К основным тематическим группам бранной лексики относятся: названия живых существ (*Боягузлива гнида!!!; Які вони слизькі. Якщо в нас війна, то війна проти когось. Не будь слизняком і назви, хто це*); наименования нечистот (*Тарас, якщо ти не патріот, то... іди із групи, біомусор!!!!*); обращения к нечистой силе (*І знаходяться ж ідіоти, які вірять цій відьмі!; Загальне, таємне і рівне виборче право – це диявольський винахід. Не може бути голос доктора філософії бути рівним голосу бродяги з паспортом*); обвинения в незаконнорожденности (*Вам не здається підозрілим, що якийсь бастрюк сидить, крутить історією і просто тролить Вас. Навіщо на це реагувати*). Как свидетельствуют приведенные примеры, для оценки используются сравнения только с тем, что вызывает неуважение, презрение, брезгливость, но не ненависть или возмущение. Наличие неприличной формы таких слов и выражений, относящихся к конкретной личности, расценивается как речевая агрессия и посягательство на честь и достоинство адресата.

Использование антономазии с целью передачи речевой агрессии может осуществляться путем обвинения оппонента в нарушении им норм национально-культурного поведения, пренебрежении определенными культурными ценностями [2 с. 23]. В данном случае речевая агрессия реализуется с помощью следующих категорий лексических и фразеологических единиц: слова и выражения, обозначающие антиобщественную, социально осуждаемую деятельность: *мошенник, жулик, проститутка (Ще трохи і з такими шльондрами не бесіду проводитимуть, а прямий хук у морду; цинізм бариги виходить за межі)*; прецедентные имена (*Через рік роботи Сина Лейтенанта Шмідта...; Шановний Нарцисе, балакайте самі з собою, до Вас ніхто не звертається, правильний Ви наш; Старечий маразм укупі з інтернет-залежністю – міцна штука, Наполеон. Тебе, мабуть, і лікувати марно*); слова, содержащие экспрессивную негативную оценку поведения человека, свойств его личности (*Бреше майже як його політичний батько, супермегабрехло ...!; ..... є брехунами світового масштабу!; Як можна обнулити репутацію? Він же мінус нескінченність; Цікаво, а він і досі декларацію не подав? Ілі йому ніколи? Політичний труп з нульовим рейтингом*); слова с ярко выраженной негативной оценкой, фактически составляющей их основной смысл, также обозначающие социально осуждаемую деятельность или позицию характеризуемого (*...офшорник постійно бреше; пани Оффшоровичи...; Рівненський республіканець? Бурштиноукопач? Прихильник Рівненської республіки? А як же закони України?; За його словами, мерсепаратист навіть підняв прапор ЄС над міською радою; Популіст та синок української корупції..); сленг (*Подивись на себе в дзеркало, ти навіть ім'я своє не використовуєш, а псевдо. Бот ти. І хам. І ведеш себе, як розпальцівка: навішування ярликів і перехід на особистості... Тебе ніхто до діалогу не просив. Тому надувай щокі далі, розумнику великий*); зооморфные образы, отсылающие к названиям животных и подчеркивающие какие-либо отрицательные свойства человека (*Я не виправдовую камуфляжників, які полізли на чужу ходу, але мене тут цікавить: чому їх не затримували в правовому полі компетентні органи, а останні скористались послугами биків кримінального характеру?*).*

Таким образом, при позиционировании своих установок и убеждений путем речевой агрессии индивид противопоставляет себя воображаемой референтной группе, которая воплощает в себе социальный «антиобразец» [1, с. 167]. Прием антономазии используется для искажения социального образа личности и достигается путем переосмысления, замещения, а также одновременного замещения и добавления интертекстуальных отсылок. Это наносит урон имиджу, портит социальный портрет и ведет к утрате в глазах коллектива предыдущей социальной значимости индивида, который стал объектом речевой агрессии. Адресная негативная информация об адресате создает предпосылки для образования в сознании окружающих его людей нового образа, который будет отличаться от первоначального своим искаженным видом.

2. Гипербола. Стилистический прием антономазии является средством открытого выражения агрессивности. Однако в социальных сетях администраторы сообществ могут удалить сообщение или закрыть доступ в группу за оскорбления и нецензурную лексику. Поэтому пользователями социальных сетей используется большой арсенал имплицитных приемов, с помощью которых говорящий может выразить отрицательное отношение к адресату. Одним из таких имплицитных приемов является гипербола [3], [4]. И. Курахтанова отмечает, что в «процессе гиперболизации переосмысливается взаимосвязь таких философских категорий как количество – мера – качество за счет контрастного сопоставления, определяющего характер соотношения компонентов гиперболы и включающий в себя две операции: аналогии по признаку и противопоставления по количественной характеристике. В основе гиперболического образа лежит нарушение структуры реальных взаимоотношений явлений действительности, подмена ее другой» [5, с. 7]. Такое гиперболическое употребление, по мнению Ю.Д. Апресяна, свойственно многим глаголам, содержащим в своем основном значении указание на количественную оценку. Как правило, в гиперболическом употреблении все подобные глаголы передают агрессивное отношение к адресату [4, с. 15]: *А працювати не пробували ці активісти? Вже остогиділи зі своїми протестами! Знають проти чого чи кого протестували?* Приведенный комментарий несет в себе имплицитную агрессию благодаря употреблению глагола *остогидіти*, который в своем значении дает указание на количественную оценку `надоесть до крайней степени`. Такое же указание на количественную оценку содержится в следующем фрагменте: *Я знаю одну категорію «гомо сапієнсів», які дуже переймаються нашими справами і радіють, коли в нас щось негаразд. В коментаріях налетіли і давай паскудити*, где глаголы *налетіли* и *паскудити* указывают на крайне негативную оценку оппонентом события и приобретают значение `обращаться в агрессивной манере`. Так, контекст *Куди котиться Україна разом з народом?! В таке майбутнє, що то страшно заглядати...* содержит гиперболическое употребление глагола *котиться*. Пресуппозиция глагола в рассматриваемом фрагменте – `находиться в процессе быстрого движения` – имеет нейтральное значение, в то время как его асепция – `регрессировать`, `изменяться к худшему` – содержит негативную оценку.

3. Парадокс. Стилистический прием парадокса характеризуется алогической связью частей одного предложения, компонентов фразеологических единиц или нескольких предложений, в которых сосуществуют противоречивые понятия: *У п'ятницю лікарні ... стали жертвами хакерів-вимагачів. Що можна взяти з українських лікарень, крім аналізів пацієнтів?* В данном примере автор использует парадокс, который выявляет противоречие и алогизм, для обвинения в предоставлении заведомо ложной информации. В большинстве случаев парадокс противопоставляет два утверждения в двух предложениях, но может создаваться при помощи нескольких предложений: *Чудні люди. Країна в крові. Кожен день гине цвіт нації. Гинуть ті, хто міг продовжити свій рід, гинуть не за цапову душу. А вас хвилює Джамала з червоною доріжкою. Герої, на жаль, вмирають. І не потрібно нікого дурити. І себе, в першу чергу.* В данном примере экспрессивности парадокса способствует инверсия и эмфатические конструкции. Позиционирование конфликтогенного речевого поведения реализуется путем установки на антидиалог (*І не потрібно нікого дурити*) и может рассматриваться как «вторжение в когнитивное пространство адресата» [6, с. 9]. Несоизмеримость в человеческом восприятии таких семантических компонентов концептов *мир* и *война* как `культурно-развлекательные мероприятия` и `смерть`, позволяют адресанту нивелировать

концепт «мир» путем изменения оценки объектов, стоящих за данным концептом. При этом происходит «актуализация одного из компонентов смысловой структуры концепта с привлечением нового содержания в его структуру и изменение соотношения смысловых компонентов» [6, с. 10], что рассматривается Т. Воронцовой как речевая агрессия.

Выявление противоречий окружающей действительности путем парадокса может достигаться путем создания сатирического эффекта, что уже в своей семантике заключает отрицательно-оценочную коннотацию, непосредственно связанную с проявлением агрессии: *Ви що??? ... – найкращий банкір за всю історію! Народ збіднів у 2–3 рази... А ви про якусь тюрму для поважної людини. Орден Охендовського I ступеня їй!*

Оппозиция в парадоксах может выражаться в имплицитной и эксплицитной формах. Имплицитной является оппозиция между логической нормой высказывания и словом (группой слов), использование которых превращает его в парадокс: *Наш виборець дуже розумний і має високі принципи довіри: 1. Гречка повинна бути чистою, без лушпиння; 2. Не менше кілограма; 3. За мітинги розраховується як домовлялись.* В данном фрагменте логически правильное высказывание, характеризующее культуру избирателя, и против которого направлен парадокс, выражается имплицитно путем соотнесенности избирателя с прецедентом, который в украинском обществе ассоциируется с коррупцией в избирательном процессе.

Таким образом, такие инвариантные характерные черты парадокса, как наличие алогизма, противоречивости, неожиданной трактовки известного и привычного, позволяют пользователям социальных сетей выражать собственную агрессию.

4. Антитеза. Как стилистический прием антитеза служит для раскрытия противоречивой сущности обозначаемого или несовместимости различных предметов, явлений. Для манифестации агрессии интерес представляет вид антитезы, который реализует не один концепт, а два противопоставленных концепта: концепт и антиконцепт. В данном случае антитеза служит для создания оппозиции «свой – чужой»: *Ну, пробачте нас, чоловік із вищого круга. Ти часом не арієць? А, ну так, у вас в лундирляндії всі – вища каста...* Приведенный пример является отражением возникновения и существования в интернете субкультуры «альт-правых», которая объединяет тех, кто «идентифицирует себя в оппозиции как к неолиберальным, так и к традиционным консервативным ценностям и... пропагандирует взгляды, которые присущи сторонниками господства белых, расистам, антисемитам, исламофобам, антифемистам, женоненавистникам и гомофобам» [7]. Возникающий между оппонентами когнитивный диссонанс можно охарактеризовать как «возврат к концепции войны идей или идеологий» [8]. Г. Почепцов утверждает, что, поскольку «это война не в физическом пространстве, даже, если задуматься, и не в информационном, а в пространстве виртуальном, то она требует не просто совершенно иного инструментария, но даже и иных базовых единиц» [8]. Такими базовыми единицами в приведенном комментарии стали мемы. Фрагмент содержит клише «фашисты – неонацисты – каратели», который является явным мемом, и, по мнению Г. Почепцова, «возродился без особых усилий, что позволило видеть действительность сквозь навязанные извне понятия. Понятно, что главным конструктивным элементом здесь становится привязка к немецким нацистам, которой не может быть в сегодняшнем дне, но зато она сильна пропагандистская» [8]. Таким образом, оппозиция «свой – чужой» превращается в оппозицию «свой – враг»: *...приходьте завтра на 12:00 до площі перед Національний Музей Історії України – НМІУ, щоб показати – тих, хто хоче знати правду більше, як маргіналів, що хотіли б аби всі й далі жили в полоні совкових міфів.* Стилистический прием антитезы содержит национально-культурный компонент в виде реалий и культурной коннотации. Способами выражения культурно значимой информации выступают прецедентные феномены: имена, ситуации, высказывания: *Вата проти фанери, хто ж візьме верх? Кому дістанеться головний приз? А ось він, на фото, цей призер; Та НАТА – то начебто дорогого фітнес клубу для багатіїв. Такі всі в вазеліні, щоб блищати, у дорогих труселях, надулися – зараз луснуть..., а як морду хаму надерти, то – «я сьогодні зайнятий» ... Сподіватися треба тільки на свою армію!* В данном фрагменте речевая агрессия проявляется как вторжение в

аксиологическое пространство адресата, когда «адресант навязывает адресату негативное отношение к референту высказывания» [6, с. 10] – НАТО. При этом, «коммуникативная перспектива такого типа агрессии – разрушение реальных или потенциальных контактов между адресатом и референтом высказывания» [6, с. 10]. С целью эксплицировать собственные представления и оценки автор анализируемого фрагмента создает негативный образ «чужого», используя контекстуальные (*вата – фанера; НАТО – своя армія*) и лексические (*надутися – луснуть*) антонимы, разговорные конструкции, отличительной особенностью которых является употребление сниженной и разговорно-неформальной лексики (*багатії, трусея, морду хаму надерти*), противопоставление «долг – неисполнение» (*як морду хаму надерти, то – «я сьогодні зайнятий»*), намеренное искажение слов для демонстрации пренебрежения к оппоненту (*НАТА*), сарказм, построение ассоциативных цепочек с негативной коннотацией (*НАТО – назва фітнес клубу*). Для акцентуализации позитивного образа «своего» автор фрагмента использует императив и восклицание с целью продемонстрировать уверенность в своей правоте, привлечь внимание аудитории и побудить ее разделить мнение автора (*Сподіватися треба тільки на свою армію!*), выстраивает ассоциативную цепочку с комплиментарной коннотацией «своя армия – надежда», употребляет частицу *тільки* для усиления высказывания в целом и выразительности одного из членов предложения – *своя армія*.

Манифестация оппозиции «свой – чужой» в антитезе ассоциируется с дестабилизацией и деструкцией, и позволяет рассматривать ее в качестве конфликтогена. Характерным для приемов обличения и обвинения является употребление оценочной лексики с негативным компонентом значения: *У мене питання до саакафілам: якщо запальний Міхо переміг корупцію в Грузії, то самий некорумпований суд хоче притягнути його до відповідальності за корупцію, тобто Міхо – бариґа! Якщо ж суд прийняв завідомо політично мотивоване рішення, то значить всі розмови про перемогу корупції в Грузії – фейк!* В данном фрагменте аргументированность негативной оценки «чужого» достигается также путем использования риторики ненависти для выражения резко отрицательного отношения к носителям иной системы национальных и культурных ценностей и выступает как форма проявления межнациональной вражды и нетерпимости (*саакафіли*).

Несмотря на все более активный процесс глобализации, который ведет к унификации и стиранию различий между «своими» и «чужими», оппозиция «свой – чужой» по-прежнему является характерной для интернет-коммуникации. Номинация «своих» и «чужих» в контексте публикаций и комментариев в социальных сетях в основном разворачивается за счет активизации разного рода националистических движений, межэтнической конфронтации, обострения конфликтов на территории постсоветского пространства, создания таких субкультур в интернете, как альт-правые, 4chan, Encyclopedia Dramatica, Something Awful, «посвященные бренду ожесточенной непочтительности и остроумности» [7]. Оппозиция «свой – чужой» может также реализовываться на культурном, гендерном, конфессиональном уровнях: *Мадам, я задався питанням: «Навіщо такі, як Ви, відвідують соцмережі?» Розпитав. Зробив висновок – дами ходять в соцмережі через відсутність уваги до себе. Блонді, озирніть навколо, приділіть увагу своїм близьким, і Вам відплатиться.*

В анализируемом фрагменте речевая агрессия реализуется путем использования обезличенно-насмешливого обращения (*мадам*), коммуникативной установкой которого является создание оппозиции «мужчина – женщина», причем автор намеренно подчеркивает свое негативное отношение до группы, к которой принадлежит оппонент (*такі, як Ви*). Автор также акцентирует негативную оценку интеллектуальных способностей адресанта (блонді); использует словосочетание, имеющее семантический компонент `одиночество` (*відсутність уваги*) с целью принизить личные качества оппонента и ее семейный статус.

Заключення. Таким образом, исследование дискурсивных фрагментов, размещенных в украиноязычных секторах социальных сетей, позволило выделить наиболее распространенные стилистические приемы передачи агрессии в украинском языке: антономазия, гипербола, парадокс, антитеза. При этом основным средством выражения агрессии являются входя-

щие в состав указанных конструкций лексические единицы, тогда как сами стилистические приемы лишь углубляют передаваемые с их помощью агрессивные эмоции.

Литература

1. Волков, Ю.В. Социология / Ю.В. Волков, В.И. Добреньков, В.Н. Нечипуренко. – М. : Гардарики, 2000. – 512 с.
2. Жельвис, В.И. Эмотивный аспект речи. Психологическая интерпретация речевого воздействия / В.И. Жельвис. – Ярославль : Изд-во ЛГПИ им. А. И. Герцена, 1990. – 81 с.
3. Гловинская, М.Я. Скрытая гипербола как проявление и оправдание речевой агрессии / М.Я. Гловинская // Сокровенные смыслы : Слово. Текст. Культура : сб. ст. в честь Н.Д. Арутюновой ; Отв. ред. Ю.Д. Апресян. – М. : Языки слав. культуры, 2004. – С. 69–76.
4. Апресян, Ю.Д. ИмPLICITная агрессия в языке / Ю.Д. Апресян // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии : Труды международного семинара «Диалог 2003» по компьютерной лингвистике и ее приложениям ; под ред. А.С. Нариньяни. – Протвино, 2003. – С. 14–18.
5. Курахтанова, И.С. Языковая природа и функциональная характеристика стилистического приема гиперболы : на материале англ. языка : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.04 / И.С. Курахтанова. – Москва, 1978. – 210 с.
6. Воронцова, Т.А. Речевая агрессия: вторжение в коммуникативное пространство / Т.А. Воронцова. – Ижевск : Издательский дом «Удмуртский университет», 2006. – 252 с.
7. Kidd, S. Memes, subcultures and social media [Electronic resource] / S. Kidd. – Mode of access : <https://simonkidd.wordpress.com/2017/07/10/memes-subcultures-and-social-media/>. – Date of access : 21.03.2017.
8. Почепцов, Г.Г. Меметическая война, или в поисках «арифметики» разума [Электронный ресурс] / Г.Г. Почепцов. – Режим доступа : http://osvita.mediasapiens.ua/trends /1411978127/memeticheskaya_voyna_ili_v_poiskakh_arifmetiki_razuma/. – Дата доступа : 21.03.2017.

Киевский военный лицей им. И. Богуна

Поступила в редакцию 30.04.2017